

**Отзыв официального оппонента доктора исторических наук
Уварова Павла Юрьевича на диссертацию
Динары Викторовны Дубровской
«Теория и практика миссионерской деятельности западных
христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв.»,
представленную на соискание ученой степени доктора исторических
наук по специальности 5.6.2 Всеобщая история**

Диссертационное исследование Д. В. Дубровской посвящено деятельности христианских миссионеров в Китае и обратному воздействию сведений, полученных ими в Поднебесной, на Западную Европу. Эта проблема давно занимала лучшие умы Европы. Так, с 1712 по 1714 г., когда Лейбниц пытался способствовать созданию Академии Наук в Вене и в том опирался на поддержку принца Евгения Савойского, с которым был лично знаком и вел интенсивную переписку, обсуждали они не только перспективы венской науки (и даже не пути преодоления конфессиональных разногласий в Европе), но и не в меньшей степени спор о китайских церемониях. Ученый протестант и прославленный полководец, каждый из которых не имел себе равных в своей области, на фоне войны за Испанское Наследство и страстей по Утрехтскому миру считали именно китайские церемонии одной из важнейших тем для судеб мира. Как переводить истины и понятия, священные для одной культуры, на язык культуры иной? Что важнее — искать точки соприкосновения или заботиться о сохранении собственной цивилизационной идентичности? Такие вопросы сегодня не менее актуальны, чем триста лет назад, а вызовы глобализации придают им дополнительную остроту.

За счет непростой генеалогии диссертация Д. В. Дубровской охватывает большой исторический материал и имеет сложную структуру. Помимо традиционной части, посвященной источникам и историографии вопроса, в работе описываются три последовательные волны проникновения христиан в Среднюю империю: во времена династий Тан (VII–IX вв.), Юань (XIII–XIV вв.), Мин и Цин (XVI–XVIII вв.). Возможен и другой, конфессиональный

(или конгрегационный) план, поскольку в диссертации последовательно рассматривается смена главных носителей христианской миссии — сперва так называемых «несториан», представителей «Церкви Востока», именуемой в Китае «Сияющей религией», мендикантов (францисканцев и позже доминиканцев) и, наконец, иезуитов. Поделить диссертацию можно и по принципу анализа векторов воздействия, и тогда она будет составлена из двух неравных по объему частей: большой, посвященной попыткам воздействия Запада на Китай, и сравнительно краткой, характеризующей влияние добытых миссионерами сведений о китайской цивилизации на европейскую культуру. (Автор вполне обоснованно оставляет за рамками своего исследования миссии, организованные представителями православия и различного рода протестантскими деноминациями.) Большой интерес представляют Приложения, содержащие перевод текста указа императора Тай-цзуна (638 г.), выбитого на несторианской стеле конца VIII в., материалы буллы 1715 г. *Ex illa die* папы Клементя XI и текст указа 1721 г. императора Канси, ставшего ответом на эту буллу. Отдельная часть Приложений — очерк, посвященный встрече Маттео Риччи с представителями древней иудейской общины Кайфына, где помимо прочего затрагивались и судьбы древнего китайского христианства. Третий блок Приложений по-своему интересен, но его необходимость менее очевидна, поскольку он выходит за хронологические рамки, обозначенные автором диссертации.

Описанная выше сложная структура диссертации приводит к тому, что на пересечении внутренних планов в ней встречаются повторы: не единожды обсуждаются автором происки доминиканцев, аккомодативный метод иезуитов, эйдетическая память Маттео Риччи. На наш взгляд, этой сложности можно было бы избежать, если бы не некоторая диспропорция в композиции работы. Так, понятно, что без доктринальных истоков «Спора о ритуалах», сыгравшего роковую роль в истории китайских миссий, не обойтись, но кажется, что погружение в тонкости казуистики пробабиллизма и лаксизма не доставили автору особого интеллектуального наслаждения; а потому,

вероятно, и столь глубокое описание генеза «спора» для диссертации не критично, так как не облегчает решения авторской проблемы.

Примечательно, что диссертация изобилует метафорами, синекдохами и иными тропами, которые помогают сказать просто о сложном, аккомодировать стародавний материал для современного человека, помогая ему этот материал присвоить. Этими приемами в свое время с успехом пользовались проповедники, и неудивительно, что изучающий их автор прибегает к тем же техникам. Представляется, однако же, что диссертация выиграла бы от более осторожного сопоставления проповеди с аудиторией и обстановкой: в популярной статье, публичной лекции или подкасте слова о «слоганах иезуитов», этих «братьев-сорванцов», использовавших «ноу-хау», или уподобление Маттео Риччи «блоггеру» и «микроинфлюэнсеру», а Игнатия Лойолы «бюрократу Божьему», организующему «нетворкинг», были бы уместней. (В конце концов, примерно так писал Г. Честертон о Фоме Аквинском.) Нет сомнения, что инструменты эти использованы автором осознанно, а не от недостатка иных риторических средств, но кажется, что порой они осложняют восприятие мысли автора, а не облегчают его. Вспомним, как Маттео Риччи написал «Трактат о дружбе», составив его из высказываний авторитетных европейских авторов. Они были ему прекрасно знакомы, и перевод их афоризмов на китайский превзошел все ожидания. Но, стремясь сделать западную мысль более доступной для восточной аудитории, он составил комментарии, опираясь на термины и традиции китайской философии, и вышло наоборот: труд «западного мудреца» вошел в китайские антологии, но с характерной оговоркой: «Заметьте: ввиду того что “Трактат о дружбе” представляет собой писание Западных областей, пояснительные комментарии [к нему] крайне трудны для понимания» (с. 296). Так и автор диссертации порой оказывается в схожей ситуации, оживляя материал метафорами.

К примеру, трактат Луиса де Молины характеризуется как «наземная теологическая мина де Молины, издевательски названная “Concordia”

(«Свободный выбор с дарами благодати, божественным предвидением и предопределением и отказом от соглашения»)» (с. 222). Такое описание сложно для понимания: читателю не очевидно, почему мина, почему наземная, против кого она направлена, и над кем издевается название трактата (кроме того, в переводе упущено слово «Concordia»; более удачный перевод — «Согласие свободного решения с дарами благодати, божественным предзнанием, провидением, предопределением и отвержением»). И далее о том же авторе: «Как некогда Доминик де Гусман позаимствовал у своих противников-катаров белую шерстяную рясу, Молина заимствовал у противников-протестантов идею протестантской трудовой этики, поскольку любой человек способен «проложить путь на небеса при помощи труда»» (с. 224). Оставляя святого Доминика и катаров, которые если и носили белую рясу, то не всегда и не все (иначе их было бы очень легко выловить и не понадобилось бы придумывать инквизицию), представляется спорной проекция идей о трудовой этике протестантизма, характерных скорее для Макса Вебера (или на худой конец Бенджамина Франклина), на Молину: путь на небеса при помощи труда как раз и был вызовом догматам ересиархов, отрицавших свободу воли перед лицом божественного предопределения.

Автор справедливо указывает на неполную точность термина «несторианство», но для обозначения «религии Света» отказаться от него не так просто. К ересиарху Несторию, осужденному на Эфесском соборе 431 г., христиане, населявшие Сирию, Персию с Хорасаном, монгольские степи, Турфанский оазис и проникшие в Китай в конце VII в, не имели отношения; но именно такое название устоялось в литературе, и хотя заменить этот термин на «Церковь Востока» было бы правильно, такая замена создает путаницу, поскольку и иные церкви являются «восточными» по отношению к Западу. Вдобавок «Церковь Востока» (пусть даже она и Древняя Ассирийская) с трудом согласуется с названием диссертации, рассматривающей ряд «западных христианских церквей», к тому же ведущих «миссионерскую деятельность»: миссионеров обычно кто-то отправляет с миссией обращения

в истинную веру, а христиан времен Алобэня и Авраама никто не направлял в Китай — они пришли туда поселиться, заодно рассказав о своей вере. Это радикально отличает адептов «Сияющей религии» от прочих героев повествования Д. В. Дубровской, за которыми стояли влиятельные политические силы, авторитетная культурная традиция. А ведь первые христиане на китайской земле преуспели не меньше, чем их более известные позднейшие коллеги, причем сила их состояла в слабости: правители Поднебесной не видели в них потенциально угрожающих представителей интересов иноземных государей. Гонения же при императоре У-Цзуне (845) вписывались в его общую политику по отношению к монастырям; ее автор сравнивает с раскулачиванием, но применим и универсальный термин «секуляризация». Заметим, что несколько удивляет отсутствие в библиографии книги Л. Н. Гумилева «В поисках вымышленного царства», где легенда о христианском царстве Пресвитера Иоанна прочно увязывается с кара-киданьским государством (*политией* на языке политантропологии), и даже хотя востоковеды скептически (и не без основания) относятся к наследию Льва Николаевича, упомянуть его версию стоило бы.

Рассказ о приходе в Китай уже настоящих миссионеров — францисканцев, доминиканцев и, наконец, иезуитов предваряется экскурсами в историю становления этих орденов, повествованием об их особенностях и о полемике, которую они вели со своими оппонентами на «большой земле» до прибытия в Китай. Это погружение оправданно, но могло бы быть сокращено без ущерба для авторского замысла. Так, изучение истории св. Доминика или св. Франциска, разговаривавшего с птицами (сюда можно было бы прибавить и св. Антония Падуанского, не менее успешно проповедовавшего рыбам), не входит в число приоритетных задач автора; при этом рост числа пассажиров, где автор вынужден работать на основе литературы обильной, но заведомо противоречивой, ведет и к увеличению числа спорных утверждений и неточностей. Так, например, неверно даются годы жизни Альберта Великого (с. 193); сомнительно, что доминиканцы были первой по-настоящему

демократической организацией (с. 188), поскольку выбирали свое руководство — многие саморекрутирующиеся средневековые корпорации (консехо, братства, университетские корпорации и др.) поступали так же; сомнительно, что доминиканский орден насчитывал 150 000 членов (с. 195); доминиканцы вряд ли стояли у истоков Оксфордского университета, который возник если не в XII в, то уж точно до появления в нем братьев-проповедников; не принадлежал к их числу и Робер де Сорбон, — у нищенствующего монаха не было бы средств на основание одноименной коллегии. В 1638 г. янсенисты никак не могли быть «давними» врагами иезуитов, так как сами возникли лишь недавно (с. 208); говоря о том, что если первый раз католическую веру спасли доминиканцы, отстояв ее против альбигойцев, то во второй раз ее спасли иезуиты, выступившие против реформации, автор почему-то ссылается на Макиавелли, но он не мог говорить об «обществе Иисуса», поскольку не дожил до его создания (с. 211).

Несмотря на композиционную сложность и местами нетривиальную стилистику диссертации и некритичные неточности и спорные тезисы, описанные нами выше, в целом авторский успех неоспорим — особенно в части, которую автор пишет, уже работая на своей «делянке» и на знакомых источниках и повествуя об успехах, неудачах иезуитов и доминиканцев, сумевших все-таки проникнуть в Среднюю империю. С нашей точки зрения, шедевром являются разделы, посвященные Маттео Риччи и Кастильоне. Очень убедительной выглядит авторская идея об изменении социальной опоры иезуитов в Китае с утверждением династии Цин. Если в период поздней Мин Маттео Риччи и его соратники успешно приспособливали свою деятельность к социально-культурным запросам ученого сословия конфуцианцев — шэньши, то в эпоху Канси иезуиты ориентировались в основном на придворные круги, что привело к некоторому смещению акцентов в восприятии китайской культуры.

Тезис автора о том, что стремление сторонников фигуризма максимально вписать историю Китая в библейскую традицию (убеждая и

китайцев, и себя в приемлемости христианского учения для жителей Поднебесной) вело к признанию за Китаем большей древности по сравнению с европейской культурой, находит отклик в недавнем прошлом. В советской «Всемирной истории» феодальную общественно-экономическую формацию стремились растянуть на всю Евразию, а то и на весь Старый свет. Применительно к Китаю эти усилия привели к тому, что академик Н. И. Конрад счел Китай первой страной, перешедшей от рабовладельческой формации к феодальной, а затем от феодальной — к ренессансу уже в эпоху Тан, что особо впечатлило западных медиевистов начала 1960-х годов. Впоследствии, однако, об этом постулате постарались забыть: то ли свою роль сыграло охлаждение дружбы СССР и КНР, то ли советские ученые не захотели, чтобы утверждение “ex Oriente lux” трактовалось столь буквально. Не исключено, таким образом, что автором закономерно идентифицирована некая осцилляция в европейской мысли.

Приведем рекомендации для будущих исследований. В диссертации справедливо обращается внимание на попытки христианских проповедников преодолеть трудности в передаче основополагающих христианских понятий с использованием инструментария иной культуры. В этом отношении любопытно обратить внимание на то, как действовали в этой ситуации люди других авраамических конфессий: представители армянской церкви, иудеи и, наконец, мусульмане, имевшие долгий опыт проживания в Поднебесной, как и христиане. В работе также вскользь упоминается опыт Парижского общества иностранных миссий. Интересно было бы сопоставить опыт Александра де Рода, действовавшего совсем рядом с Китаем и избравшего принципиально иной путь катехизации вьетнамцев, начиная с изобретения языка. Представляется полезным привлечь четвертый том описания кругосветного путешествия Джемелли Карери, оказавшегося в Макао в 1693 г. и принятого иезуитами за папского эмиссара, в духе гоголевского «Ревизора». И, наконец, наряду с Гегелем мы советуем бы обратить внимание на Гердера, писавшего о Китае весьма интересно.

Высказанные замечания, разумеется, несколько не снижают оценку общего уровня исследования. Возможно они будут полезны в случае переработки текста диссертации в книгу.

Диссертация Д. В. Дубровской «Теория и практика миссионерской деятельности западных христианских церквей в Китае в VII–XVIII вв.», соответствует требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842, а ее автор Динара Викторовна Дубровская заслуживает присуждения ей ученой степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент

доктор исторических наук, профессор,

член-корреспондент РАН,

главный научный сотрудник,

заведующий Отделом западноевропейского Средневековья и раннего

Нового времени Института всеобщей истории РАН, Москва

119334, Москва, Ленинский проспект, 32а

Тел. (495) 9381009

E-mail: oupav@mail.ru

09.11.2022

П.Ю. Уваров

